

ЖИЗНЬ, ОТДААННАЯ ТЕАТРУ

К 70-летию Д. А. АЛЕКСИДЗЕ

ВЕРОЯТНО, приличнее всего было бы рассказать все по порядку. О том поначалу, как рос наш юбиляр, как окружала его с самого раннего детства атмосфера литературы и театра, и дух поэзии, витавший в доме и впитанный с материнской лаской, вошел в его мир и обернулся поэзией театра. Затем обозреть по этапам все восхождения режиссера и с академической серьезностью обосновать вполне весомые выводы, сопричастные солидности его юбилейной даты.

Но все дело в том, что мне не хочется писать обычной юбилейной статьи с пространным и скучным пересказом всех земных заслуг и регалий юбиляра, со скрупулезным перечнем его спектаклей, поставленных на протяжении всей жизни, — один их перечень исчерпал бы рамки обычной газетной статьи... Мне не по душе также прибегать к юбилейной парадности стиля — не вяжется она с личностью Дмитрия Александровича, с его житейской простотой, человеческой открытостью, естественностью. К тому же понятие юбилея таит в себе не только парадный настрой, но и легкое дуновение вздоха,

рожденного от сознания весомости даты, и того, что за ней стоит трудно прожитая человеческая жизнь.

Все нити этой жизни всегда были напряженны до предела. Напрягались нервы, расторгалась душа, иногда сердце разрывалось на части от сознания неудовлетворенности содеянным, от невозможности достичь желаемого, от того еще, что не все вокруг умели возвращать добро за добро, что не было никогда покоя, а в голове постоянно сверлила навязчивая мысль о том, что что-то еще недоделано, недосказано, несовершенно.

С кем это ни случалось в жизни! Кому из мыслящих и постоянно находящихся в строю людей не было знакомо это беспокойное чувство! Если добавить к сказанному, что у художника, наделенного и сключительностью, все эти чувства, аккумулярируясь, как бы во сто крат усугубляются и укрупняются, то можно себе представить, как все непросто

выстраивалось в этой, с глубоким смыслом и с беспредельной отдачей прожитой жизни, целиком и полностью отданной служению прекрасному.

Додо Алексидзе сам несет в себе это прекрасное начало. Оно выражается в его душевной щедрости, в его личном, человеческом обаянии, в непостижимо притягательной благосклонности к окружающим людям, независимо от того, маститый ли это человек или только начинающий жизнь юнец, в желании сделать людям добро.

Наверное, это не должно удивлять. Напротив, приниматься как естественная закономерность, которой пристало обладать любому художнику, любому человеку, кем бы он ни был. А говоря о Додо, мы не перестаем удивляться этому его качеству. Вероятно, не только потому, что по пути не так уж часто встречаешься с

подобными проявлениями человеческой отдачи, но и потому, что в лице Алексидзе она обретает формы укрупненные, максималистские. И нет в этой его щедрости ни торжественной подчеркнутости, ни излишней аффектации, напротив — все то же естество, связанное с его человеческой индивидуальностью.

Наверное, именно эти качества привели Алексидзе на заре его режиссерской деятельности к молодежи. Вот уже сорок с лишним лет приходит он каждый день к этой молодежи в стены своего любимого института и отдает ей свой опыт, умение, знание, талант и, конечно, сердце. Чуть-чуть отяжелела походка, трудно порой взбираться по крутым лестницам, но не отяжелело его, алексидзевское, сердце, его глаза все так же светятся блеском, а улыбка не сходит с уст. Он может кричать на репетициях, бушует и него-

дует порой на промахи и недотепство, а студенты — народ чуткий, знают: все это не от злобы — «от горла». Додо не умеет быть злым.

Додо не умеет быть злым! Индивидуальность художника не существует отдельно от его человеческого нутра. И это обаяние личности неизбежно и властно входит в его творческую практику, в палитру его постановочных средств, в его сценические создания и обретает там свое неповторимое обрамление. И чтобы он ни утверждал — разоблачал бы зло или звонко смеялся бы над человеческими промахами, зычным голосом вещал бы о самом высоком и мудром или горевал над людской бедою, чтобы он ни ставил, искрометные итальянские комедии Гольдони (каким блестящим интерпретатором их был Алексидзе!) или мужественные, героико-романтические «Разлом» Б. Лавренева, «Бойцы» Б. Ромашова,

«Алькасар» Г. Мдивани, «Бахтриони» В. Пшавела, психологические драмы или, наконец, творения великих античных трагиков, он, режиссер Алексидзе, всегда утверждает величие и красоту человека, обращает свои мысли к сердцу современника и несет ему свою человечность, обильное жизнелюбие и любовь.

«Что отдашь — твою!» Эта руставелевская мудрость не раз торжествовала в жизни Додо Алексидзе. Он познал на своем пути большие театральные праздники. Это его «Эдипа» восторженно принимала Москва. Это ему и его «Антигоне» рукоплескал Киев, ибо именно здесь, в киевской «Антигоне», собралось и выхлестнулось не только его понимание театра, но и понимание мира, устроенного в конечном счете так, что побеждать должны только самоотверженность, одержимость, только справедливость и высокие человеческие принципы.

Победа принципов! Лишь однажды он словно бы от-

ступил от них. Приверженец героического направления в сценическом искусстве и яркой театральности, Алексидзе соединил свои творческие принципы с понятием эпического театра Брехта, поставил его «Трехгрошовую оперу».

Широкий человек, Алексидзе всегда был и остается режиссером цельным. Он мог менять театры, работал в театрах имени Руставели, имени Марджанишвили, в театрах Украины — имени Ив. Франко и Леси Украинки, ставил спектакли в русских театрах Грузии, в театрах Москвы, Ленинграда, Еревана, Ташкента, Кишинева, в театрах не только драматических, но и оперных, но никогда не уходил из Театра. Меняя коллективы, он был всегда сосредоточен только на Театре и никогда не стремился, подобно многим своим коллегам-режисерам, в кинематограф и телевидение. Никогда! Он оставался верным и преданным рыцарем театра, был всегда влюблен в самою его стихию.

Мне дорога в нем и эта его черта — его театральное постоянство. Ведь именно оно дает ему стимул в работе, двигает его на новые творческие подвиги.

Парадоксально, но мне легко писать о Додо Алексидзе.

Не только потому, что все добрые и искренние слова, которые можно было бы сказать сегодня юбиляру, тысячу раз уже сказаны и пересказаны, и всякое новое их возникновение может прозвучать неуместным повтором, но, вероятно, больше всего потому, что трудно писать о человеке близком. О первом своем учителе в искусстве, отметившем тебя своим вниманием и благословившем на вечную привязанность к театру. О человеке, с кем прожита бок о бок вся самая интересная часть твоей жизни. О художнике, который не в пример (и тут не в пример!) многим своим коллегам никогда не «отбрыкивается» от критики, всегда ее принимает как должное и умеет оценить нелегкий труд театроведа и уважает самою эту профессию. От имени своих коллег-театроведов я позволю себе принести ему благодарность и за это.

Я счастлива, что жизнь столкнула меня с этим удивительным, неповторимым, добрым и талантливым человеком и моим старшим другом. Счастлива, что работаю с ним рядом. Спорю. Слушаю. Не соглашаюсь. Восторгаюсь. Люблю.

Этери ГУГУШВИЛИ.